

ВИКТОРИЯ ФОКС

ВИКТОРИЯ
ФОКС

ТАЙНА

СТАРОГО
ФОНТАНА

Виктория Фокс — популярная британская писательница. Каждое ее произведение — всплеск чувств, эмоций, тайн и любви в канве захватывающей истории. «Тайна старого фонтана» — роман-прорыв, получивший немало положительных отзывов и нашедший отклик в сердцах миллионов читателей по всему миру.

Когда-то своим актерским талантом и красотой Вивьен покорила Голливуд. В лице очаровательного Джо Моретти она обрела любовь, после чего пара переехала в старинное родовое поместье. Сказка, о которой мечтает каждая женщина, стала явью. Но те дни канули в прошлое, блеск славы потускнел, а пламя любви угасло... Страшное событие, произошедшее в замке, разрушило счастье Вивьен. Теперь она живет в одиночестве в старинном особняке Барбароссы, храня его секреты. Но в жизни героини появляется молодая горничная Люси. И загадка Вивьен может быть разгадана. Сможет ли она сохранить семейную тайну? А может, наконец-то пришло время избавиться от бремени прошлого?..

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4195-4

9 786171 241954

ТАЙНА
СТАРОГО
ФОНТАНА

victoria fox

THE
SILENT
FOUNTAIN

A NOVEL

ВИКТОРИЯ ФОКС

ТАЙНА
СТАРОВОГО
ФОНТАНА

РОМАН

2018 КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Ф75

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

An imprint of *HarperCollinsPublishers* Ltd.

Публикуется по договоренности с Madeleine Milburn Literary,
TV & Film Agency and The Van Lear Agency LLC

Переведено по изданию:
Fox V. *The Silent Fountain* : A Novel / Victoria Fox. — London :
HQ Publishers, 2017. — 384 p.

Перевод с английского *Зинаиды Бакуменко*

Дизайнер обложки *Евгений Ухов*

ISBN 978-617-12-4195-4
ISBN 978-1-84845-500-9 (англ.)

- © Victoria Fox, 2017
- © Depositphotos / Labrador, обложка, 2018
- © Shutterstock / Captblack76, обложка, 2018
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Посвящается Джоанне Крут

ПРОЛОГ

Италия, лето 2016 года

Это был один и тот же сон, она всегда предчувствовала его приход. В полной темноте вдруг появлялся луч света, становясь все ярче и ярче. Озаряя все вокруг, он делал мир реальнее, чем наяву. Боясь взглянуть на него, но еще больше боясь противостоять его зову, зная, что делает шаг в пропасть, она безвольно шагала навстречу, раскинув руки. А уже через миг, счастливая и позабывшая обо всем, она касалась губами его макушки, мягкой кожи, вдыхала запах. Даже по прошествии стольких лет, находясь по ту сторону сознания, она отчетливо помнила эти ощущения. Воспоминания о прикосновении к его волосам, тепле его тела хранились в ее памяти, несмотря на все потрясения, которые она вынесла.

Она предчувствовала и конец сна. Напрасно он обращался к ней, напрасно звал.

Не покидай меня. Иди со мной. Я жду тебя.

Я буду с тобой. Мы снова будем вместе.

Холодная неподвижная вода блестела серебром. Это было молчаливое приглашение.

Пойдем со мной...

Я жду тебя...

* * *

Женщина просыпается резко, как от толчка. Смятая постель пропитана потом. Ей требуется время, чтобы выбраться из-под толщи воды и набрать в легкие воздуха.

Адалина, горничная, входит, чтобы открыть ставни и впустить в комнату свет нового дня.

— Так-то лучше, синьора. Как вам спалось?

Горничная проворно ставит поднос с завтраком, взбивает подушки и поправляет простыни. Таблетки всех цветов радуги

разложены на подносе подобно конфетам, как будто от этого она может захотеть принять их добровольно.

Женщина кашляет. Тяжело, будто в горле у нее ком.

На носовом платке кровь, яркие мелкие брызги, худшее из предзнаменований. Конец близок. Она сжимает платок в кулаке. Адалина делает вид, что не заметила.

— Я... — В душе женщины пустота; распухший язык едва ворочается во рту. — Открой окно, — говорит она наконец.

В комнату проникают солнечные лучи. Взгляду открываются вершины кипарисов за окном, как двенадцать указующих перстов, поднятых в небо. Раньше она думала, он там, в покое и праздности, но теперь уверена: это не так. Он не в раю и не на небесах. Он даже не в земле. Он внутри нее. Зовет ее и ждет.

Тишина. Тепло. Пение птиц. Она слышит запах цветущего сада, представляет себе набухшие бутоны роз, что плетутся по аркам, розовые и душистые, лаванду и шнитт-лук, белыми и лиловыми пятнами пестреющие то тут, то там у высоких известняковых стен. Как неслышно природа прокрадывается в комнату! Как легко она, быстрая и переменчивая, зовет наружу. Вот бы ей тоже сделать один шаг вперед, просто встать и поставить одну ногу впереди другой, — этого достаточно, сказал доктор. Как и комнаты, в которые давно никто не входил, ее крылья покрылись пылью за это время, став слишком тяжелыми.

«Такой красивый дом, — шептались в деревне, в городе, да и по обе стороны океана, насколько ей было известно, — настоящая трагедия, что она в таком состоянии. Хотя этого стоило ожидать после... ну, вы знаете».

— Девушка приедет в полдень. — Адалина с шумом сгребает таблетки в пластиковую коробку, одновременно наливая чай. — Я узнала в аэропорту, рейс прибывает без задержек. Вы сможете встретиться с ней? Уверена, ей бы очень этого хотелось.

Женщина отводит взгляд. Она смотрит на свои бледные, как у покойника, руки, лежащие поверх покрывала. В них сжат окровавленный платок, страшная разгадка ужасного секрета. Тонкие запястья, состриженные ногти — эти руки не выглядят молодыми.

Когда я успела постареть?

Она качает головой и произносит:

— Я останусь в кровати. Не хочу, чтобы меня беспокоили. Вы поможете ей устроиться, не сомневаюсь.

— Хорошо, синьора.

Она глотает пилюли. Адалина уходит, ее лицо выражает уважение. Нет нужды показывать настоящие чувства, да они и не имеют значения. Пусть будут разочарованы. Пусть скажут: *«Могла бы и напрячься, девчонка проделала долгий путь»*. Пусть думают что хотят. Только ей известно, насколько это невыполнимо.

Да и не нужна ей здесь эта девчонка и никогда не была нужна. Прислуга знает слишком много, задает слишком много вопросов, как будто совать свой нос в чужие дела — их работа.

Но разве у нее есть выбор? Адалина не успевает, замок просто огромен. В одиночку ей не справиться.

Но в этот раз она имеет право не говорить правду. Никто до нее не доберется.

Таблетки начинают действовать, она прикрывает глаза и погружается в дремоту. Сквозь сон она снова слышит его голос. Он зовет ее из воды, в которую садится оранжевое солнце.

Пойдем со мной. Я буду с тобой. Я жду.

И она, раскрыв объятия, падает.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Лондон, месяцем ранее

Говорят, невозможно снова полюбить так, как в первый раз. Наверное, ваше сердце безвозвратно изменяется. Возможно, вы утрачиваете остроту ощущений. Или становитесь мудрее. Понимаете, что игра не стоит свеч. Вы знаете, что такое боль и как защитить себя от нее.

В этом можно найти утешение, думаю я, пробираясь сквозь толпу в метро, — жители пригорода, мученики часа пик, уткнувшиеся в свои телефоны, туристы, чуть что сверяющиеся с картой и замирающие в ужасе при виде автоматов с билетами, целующиеся на эскалаторе парочки — я уверена: что бы ни случилось и где бы я ни оказалась, мне не придется пережить это вновь. В едином порыве толпа вываливается с Северной линии¹ на поверхность, где шумный город сверкает огнями и красками. Обгоняю компанию девушек, ищущих ночных развлечений. Кажется, мы с ними примерно одного возраста — под тридцать, и все же между нами пропасть. Смотрю на них, будто через плотное стекло, вспоминая времена, когда я была такой же ветреной и наивной, думая, как это — стоять в самом начале пути, еще не совершив серьезных ошибок, во всяком случае, таких непоправимых, как моя.

Что мне нравится в Лондоне, так это возможность раствориться в толпе. Так много людей, так много жизней. Ирония состоит в том, что я-то явилась сюда, чтобы быть замеченной, стать кем-то. Но стала невидимкой. И мне будет очень этого не хватать, когда все откроется. Я буду вспоминать это как бесценный дар, который, однажды утратив, уже не вернешь.

Я сажусь в автобус и наблюдаю, как улицы погружаются в темноту. Парень в очках, сидящий напротив, читает «Метро»²;

заголовок на первой полосе гласит: «ПРЕСТУПНИК ПОЙ-
 МАН: КОПЫ ЗАДЕРЖАЛИ ГАРАЖНОГО УБИЙЦУ». Я вздрагиваю. Интересно, выделяют ли место сообщению обо мне? Что напишут? Так и вижу мое доброе имя — Люси Уит-
 текер, написанное округлым понятным почерком, под домаш-
 ними заданиями, благодарственными письмами и поздравительными открытками друзьям, — в некрологе, внушающем страх и трепет. Знакомые будут говорить: «Это же не *та самая* Люси Уиттекер? Но она слишком тихая и скромная, чтобы совершить нечто подобное...»

Но я, кажется, совершила. Совершила нечто подобное.

Мы подъезжаем к моей остановке, и я выхожу в темноту. Поднимается ветер, я плотнее закутываюсь в пальто. Гляжу себе под ноги, зажав под мышкой пластиковую коробку.

Звонит телефон, я думаю: «Вдруг это он?!» — и презираю себя за поспешность, с которой опускаю дрожащую руку в карман, и за надежду, которая, впрочем, быстро улетучивается. Это не он. Это Билл, моя соседка по квартире. На самом деле ее зовут Белинда, но это имя ей никогда не нравилось.

Когда будешь дома? У меня есть вино. Чмоки.

Я почти на месте, и отвечать нет смысла. Замедляю шаг. Каждый раз, открывая сообщения, я не перечитываю нашу с ним переписку. Эти волнующие беседы длились ночами, и каждый раз, когда около двух экран загорался, мое сердце замирало. Стоило бы удалить их, но рука не поднимается. Кажется, что, стерев их, я уничтожу доказательство того, что это вообще было со мной. Что до всего плохого было хорошее. Ведь было же, раньше. Было очень хорошо. И это стало причиной всего происшедшего...

Не будь идиоткой. Нет никакой причины. И нет оправдания тому, что ты сделала.

И конечно, он не напишет. Никогда не напишет. Все кончено.

Сворачиваю на нашу улицу, открываю парадную дверь. Билл так и не привыкла сортировать почту, и потому я сгребаю разбросанные по полу конверты и раскладываю их по номерам

квартир прежде, чем забрать наши с собой наверх. Билл так и не научилась правилам общежития, судя по тому, как часто она меняла рулон туалетной бумаги или выносила мусор, но меня это мало волновало. Мы были лучшими подругами с тех пор, как научились говорить, она прошла со мной через все и продолжает оставаться рядом, она единственная узнала отвратительную правду, но не отвернулась от меня, хотя ей стоило. Любому на ее месте стоило. Поэтому мне плевать на мусор.

— Как все прошло? — Войдя, я вижу, что она уже ждет, вино налито, по телевизору идет очередное шоу талантов, и она приглушает звук, когда я пожимаю плечами.

— Как и ожидалось. — Я ставлю коробку на пол и размышляю, как же все прошло: после пяти лет работы мне понадобилось пять минут, чтобы собраться. Какие-то старые бумажки для заметок, настольный календарь и магнит на холодильник в форме бутылки сангрии, присланный клиентом из Португалии.

— Значит, без духового оркестра? — Билл крепко обнимает меня.

От этого на моих глазах выступают слезы, но я быстро смахиваю их. *«Сама виновата»*, — прошипела Наташа, его заместитель, пока я пробиралась к выходу из «Кэллоуэй и Купер», стараясь не замечать настороженных шокированных взглядов. Обычно водители так смотрят на происшедшую аварию.

Наташа возненавидела меня с первого дня. Почему? Я думаю, она в него влюблена. Как коммерческий директор, она считалась его правой рукой, но потом появилась я, его личный ассистент, и отодвинула ее. Она пыталась устроить на это место кого-то другого, Холли из бухгалтерии говорила мне. Только победила не Наташа, а я. И я думаю, что ей было нелегко смириться с тем, что до самого конца, пока все не пошло наперекосяк, казалось, будто он отвечает мне взаимностью. Конечно, когда все полетело к чертям, лучшего подарка для нее и представить себе невозможно. Наташа была рада моему уходу и не могла поверить, что ей так повезло.

Я стараюсь засмеяться, но смех застывает на губах.

— Да уж, совсем без оркестра.

Я хватаю бокал и выпиваю содержимое одним глотком. Билл наполняет его вновь. Хочется закурить, но я же стараюсь бросить. Самое время, Люси. Кому сейчас есть дело, жива ты или нет? Так, хватит сантиментов, я сама себя раздражаю. Лучше сосредоточиться на алкоголе. Если продолжить пить, я отключусь, а если отключусь, ничего не буду помнить. Ни его прикосновений к моей щеке, ни поцелуев...

— Ну хватит, — неуверенно улыбается Билл, — все уже закончилось.

— Правда?

— Тебе больше никогда не придется видеть всех этих людей. Ты больше не увидишь *его*.

Единственное, чего Билл не понимает, а у меня не получается объяснить, так это то, что я *должна* увидеть его снова. Даже после всего случившегося мне бы стоило бежать от него как можно быстрее, а я привыкла к нему как к наркотику. Так было с первого дня.

Позор. Я читала, что похороны состоялись сегодня ночью на кладбище к югу от реки. И я не могу перестать думать о нем, о его полных горя глазах, об этих прекрасных серых глазах, уставленных в землю, о холодных каплях дождя на его плече, когда холодной ночью на Тауэрском мосту я грела руки в его пальто, пока он целовал кончик моего носа. Как же хочется обнять его, сказать, как мне жаль, как сильно я скучаю. Сейчас, когда все, что я чувствую, — это позор и бесчестье, я каждый день сгораю от стыда, но не могу забыть наши чувства. Нам не были суждены эти унижение, печаль и хаос.

— Стоит об этом подумать, по-моему, это как раз то, что тебе нужно.

Билл ласково смотрит на меня, ожидая ответа.

— Что? Прости, я отвлеклась.

— Парень сестры Фредди, — по-видимому, повторяет она. — Он только что вернулся из Италии, с того языкового курса во Флоренции, помнишь? — дает подсказку Билл, и, чтобы успокоить ее, я киваю, даже несмотря на то, что

ничего не помню (за последние двенадцать месяцев так много всего потеряло значение для меня, что я даже не помню, кто такой Фредди — коллега Билл?).

— Там он подружился с девчонкой, которая присматривала за домом по выходным, — продолжает она. — Я называю его домом, но это скорее особняк или замок. Фредди говорит, он огромен и там живет какая-то знаменитость, но та девчонка никогда ее не видела. Эта женщина затворница и никогда не выходит в люди. — Билл падает на диван. — Звучит интригующе, правда? Прямо как начало романа. — За диванной подушкой что-то есть, и она тянется, чтобы достать его. — Гляди-ка, — оживает она, — я нашла 50 пенни!

Я нахмуриваюсь:

— Какое это все имеет ко мне отношение?

Билл закидывает ногу на ногу.

— Девчонку уволили, и они ищут ей замену. Но не афишируют этого — судя по всему, они никогда не давали объявления. По рассказам, та тетка немного не от мира сего, но что в этой работе может быть сложного? Протереть пыль с пары полок, пол подмести... — Она корчит рожицу. Интересно, Билл видела, как ухаживают за домом, где-то, кроме мультика о Золушке? — А потом можно загорать весь день с сексуальным итальянцем, с которым познакомишься в городе. Я бы и сама поехала, если бы не нужно было идти на работу в понедельник.

Я с подозрением спрашиваю:

— Что ты предлагаешь?

— Просто подумай об этом, Люси. — Ее голос смягчается. — С тех пор как это произошло, ты отчаянно хотела уехать. Ты не прекращала говорить о том, как невыносимо оставаться здесь... Иди, кое-что покажу. — Она поднимается и ведет меня к зеркалу в коридоре. — Скажи мне, что ты видишь, только честно.

По всей стене развешены старые фотографии. Вечеринки с Билл, выходные с друзьями, прыжок с моста на канате, на который я решилась в свой двадцать пятый день рождения, вырвавшись наконец на свободу и начав строить собственное будущее. Я смотрю на них, как на жирные знаки препинания в истории

моей жизни, разделяющие годы до него и одинокие дни, плавно перетекающие в недели, — после. Я была другим человеком тогда: ярким, полным надежд, легким и живым. Что же я вижу сейчас? Круги под глазами после ночей, когда я изводила себя мыслями о том, что было и что могло бы быть, щеки впали, блеск в глазах погас, теперь они выражают грусть, только грусть.

— Нет, не хочу, — отмахиваюсь я.

— Ты не ты, Люси. Это не ты.

— А чего ты ждала? — набрасываюсь я на нее; сил для ссоры у меня нет, но и сдержаться не получается. Мне нужно накричать на кого-то, выплеснуть злость, потому что злость на саму себя меня измучила. — Ее сегодня похоронили, ты в курсе? По-твоему, мне нужно забыть обо всем горе, которое я принесла, и просто уехать на каникулы в Италию?

— Это не каникулы, это работа. Посмотри правде в глаза, тебе это нужно.

— Я справлюсь.

— А ты подумала о прессе? — перебивает она меня. — Что будешь делать, когда они оборвут твой телефон и начнут караулить под дверью, не давая проходу? Или ты надеешься на его защиту? Ему все равно, Люси, плевать он на тебя хотел. Он повесит это все на тебя — что тогда?

— Не говори так о нем.

— Ладно, не будем поднимать эту тему. Мое мнение ты знаешь. Я пытаюсь донести до тебя, что это шанс. Поговори с ними хотя бы, это же не навсегда, ты могла бы вернуться, когда здесь все придет в норму.

— Как это может прийти в норму?

— Как-то придет. Все забывается со временем.

Я фыркаю, но она не замечает, так как стоит у меня за спиной.

— У тебя есть другие варианты? — спрашивает Билл.

Я думаю о них. Борьба со всем миром, ужас для моей семьи, мое лицо на обложках газет, цитаты, вырванные из контекста, чтобы показать меня такой, какой я не являюсь.

Нарушит ли он тогда молчание? Протянет ли руку помощи, встанет ли на мою сторону? Слова Билл обжигали: *«Ему все равно. Плевать он на тебя хотел»*.

Ее вопрос повис в воздухе. Я не могу больше спорить, все, на что меня хватает, это повернуться к подруге и искренне сказать:

— Прости. — Она понимающе качает головой. Из моей груди рвутся рыдания, сдерживать их все сложнее, и голос у меня срывается: — У меня просто нет сил.

— Я знаю. — Билл обнимает меня. — Пожалуйста, пообещай, что подумаешь...

Ночь — самое время, чтобы исполнить это обещание. Ворочаясь и притворяясь, что не жду, когда загорится огонек на телефоне, я слушаю, как гул города понемногу стихает за окном, и наконец около двух засыпаю. Впервые за эти месяцы последняя за день мысль не о нем. Я думаю об окруженном кипарисами доме где-то среди холмов Италии. В полусне я захожу в сад из плетистых роз. Меня манит нечто бесплотное, тень, скользкая в лучах солнца.

Я подхожу к тихому фонтану, мерцающему серебром, смотрю на отражение в воде и не сразу его узнаю. Какой-то миг я вижу чужое лицо.

Глава вторая

Италия

Три недели спустя мой поезд прибывает во Флоренцию. Все произошло быстро, Билл пресекла на корню мое желание все хорошо обдумать и взвесить все за и против. Я едва успела позвонить владелице дома для короткого собеседования, обновить паспорт и привести в порядок бумажные дела прежде, чем Билл стащила со шкафа мой чемодан и заставила его собрать.

Полагаю, она права. Не поддавшись импульсу, я бы упустила столько возможностей, и ведь нельзя сказать, что спонтанные решения мне не свойственны. А что, собственно, это было? Что свойственно Люси Уиттекер? Я забыла. Я потеряла с ней связь, но, торча в нашей квартире в Камдене³ без работы, застрявшая в прошлом, я ее не найду.

— Поезжай, — сказала Билл, держа меня за плечи во время прощания. — Не думай ни о чем. Будь счастлива. Выброси все из головы. Влюбись в Италию.

Мои первые впечатления о городе вовсе не прекрасны. Вокзал Санта-Мария-Новелла переполнен задыхающимися от жары людьми, недоверчивые взгляды обращены на меня, когда я опускаюсь на колени, чтобы перепаковать свою сумку — шампунь пролился на одежду во время перелета в Пизу. Когда я поднимаюсь, чтобы найти расписание автобусов в центр, на меня налетает неизвестно откуда взявшийся парень. «*Mi scusi, signora...*» — извиняется он, и через пару секунд я понимаю, что пятьдесят евро пропали из заднего кармана моих джинсов. Но, попав на известную улицу перед красно-коричневым гордым куполом Дуомо⁴ с его богато декорированной кампанилой⁵, глядя на весь этот мрамор, сияющий на солнце розовым и белым, я вмиг забываю о неприятностях и поддаюсь очарованию Флоренции. Местные жители проносятся на мопедах, поднимая пыль с булыжных мостовых; пиццерии раскрывают ставни на время ланча; столики на разогретых солнцем террасах покрыты скатертями в бело-красную клетку; официанты лениво курят, отдыхая перед наплывом посетителей; вокруг бродят туристы в панاماх, облизывая розовое мороженое-джелато⁶; пес пьет воду из канала на Виа-дель-Корсо. Мы мечтали приехать сюда вдвоем. Он хотел привезти меня, обещал, что мы поплывем на лодке по реке Арно, будем есть спагетти и пить вино, гулять по Уффици⁷, а вечером дремать в Садах Боболи⁸. *«Забудь о Париже, Флоренция — самый романтичный город в мире».*

Автобус останавливается, и мне не терпится выйти, будто физическая дистанция может стереть воспоминания и я могу оставить его здесь, в пустом соседнем кресле.

Пересадка во Фьезоле⁹ не занимает много времени. Сейчас я готова приехать туда, увидеть дом, встретиться с его владелицей и посвятить все свое время делам, никак не связанным с ним и с моей обычной жизнью. Папа очень хотел узнать, что, черт подери, я делаю.

— Италия? — вопрошал он. — Но почему? Что с работой? Ты что, уволилась, Люси? Что случилось?

Сестры вели себя как всегда. Софи позвонила с фотосессии, чтобы сказать мне, что я отказываюсь от должности, лучше которой мне никогда не найти. Хелен написала из своей

роскошной квартиры на берегу Темзы, чтобы похвастать, что ее жених-адвокат стал партнером в своей фирме, и невзначай упомянула, что мне должен понравиться мой «короткий отпуск» во Флоренции, — но разве я не собиралась туда с парнем? От Тильды не было вестей уже несколько недель. Она занималась дайвингом в Барбадосе с неким серфером по имени Марк. В отличие от остальных, Тильда не поступила в университет. Это была, пожалуй, самая отчаянная моя битва в роли старшей сестры — попытаться убедить ее, что я знаю лучше, что ей нужно, хотя кто знает?

В последние годы мы не были особенно близки. В обычной семье могли и не заметить такого отдаления, но для меня они были всем. Благодаря им я повзрослела раньше времени, благодаря мне они могли дольше оставаться детьми. Забота о сестрах — это было для меня естественно, и мне никогда не приходило в голову жаловаться. Папа не мог справиться в одиночку, а девочкам было слишком рано в полной мере ощутить, как это — остаться без мамы. Мое сердце кровью обливалось от мысли, что она не увидит, как они сдают первые экзамены, идут на первые свидания, вступают в вечные союзы, как и положено девчонкам-подросткам, получают предложения руки и сердца, выходят замуж и рожают детей. И конечно, она никогда не увидит, как все это происходит со мной, но об этом я почему-то не думала. Я гордилась выпавшей мне ролью, но иногда мне в голову закрадывалась мысль о том, как бы сложилась моя жизнь, будь у меня возможность прожить подростковый возраст как обычная девчонка. Возможно, тогда моя первая любовь и первые ошибки не стали бы такой катастрофой.

За окном пронесется тосканский пейзаж: ряды кипарисов с верхушками, похожими на языки пламени, золотистые поля, среди которых виднеются опаленные жаром загородные дома, а между ними — извилистая дорога, уносящая меня все дальше от Флоренции. Я размышляю, не делаю ли я сейчас то же, что делала после смерти мамы? Бег на месте. Я возвела стену из дел, достигаемых целей, вещей, чтобы не чувствовать... Что? Просто чувствовать. Мои сестры не знают о том, что произошло. Это не их вина — я не говорила им. Я никогда не рассказывала семье

о своей жизни, и чем серьезнее было происходящее, тем меньше я хотела делиться личным. На меня всегда можно было положиться, я была ответственной, отвечала сама за себя. Я не нуждалась в их поддержке и утешении, я сама была той, в ком нуждались.

Скоро они узнают. Все узнают.

И что тогда?

Этот вопрос эхом звучит в моей голове, и на него нет ответа.

«Площадь Мино», — объявляет водитель, когда автобус подъезжает к остановке. Я хватаю сумку. Сигнал GPS не работает, потому, сверившись с распечатанной заранее картой, я отправляюсь в путь.

Дорога изматывает. Мышцы ноют от подъема в гору, солнце обжигает лодыжки. Мне нравится полной грудью вдыхать свежий воздух, чувствовать пот на губах. Все это дарит ощущение радости, напоминает, что я жива.

Через полчаса я изнываю от жары и жажды. Деревня давно осталась позади, сейчас меня с двух сторон окружает пейзаж в оттенках чистого золота — поля кукурузы и ячменя. По пыльной дорожке я поднимаюсь вверх к редкой оливковой роще. Покрытые серебром листья деревьев шелестят, даря прохладу, и я сажусь отдохнуть в их тени, пью из бутылки и начинаю переживать, что не найду это место.

Вдруг сквозь аромат миндаля и винограда слышится более резкий запах, и за холмом я замечаю посадку лимонных деревьев, покрытых желтыми плодами. Щурясь от солнца, я подхожу к стене. На горизонте, в дрожащем от жары воздухе, виднеется здание. Огромное, со стенами цвета перезрелого персика, старой терракотовой крышей, башенками и темными арочными окнами.

Гляжу на карту — это он. Замок Барбаросса.

Дорога петлей огибает здание. Решив сократить путь, я перебрасываю сумку через стену. Размеры поместья впечатляют: в него входит и лимонная роща, и несколько гектаров других земель. Я прохожу мимо фруктовых деревьев. От запаха лимонов жажда усиливается, и я представляю себе, как хозяйка встречает меня со стаканом прохладного напитка, но тут же вспоминаю, что сказала Билл, потом мне на память приходит разговор по телефону с этой женщиной — странный, натянутый,

приведший меня в замешательство своей краткостью: она почти не задавала вопросов, как будто не хотела говорить со мной и заставляла себя. Я с облегчением узнала, что она не итальянка, ведь язык я планировала учить на месте, и заметила легкий американский акцент, смягченный годами, прожитыми в Европе, но говорящий о богатстве и власти. Позже я корила себя за то, что собеседование прошло плохо, лучше было встретиться лично. Но вскоре мне позвонили, чтобы сказать, что я принята, и сомнения исчезли.

Чем ближе я к дому, тем меньше я себя чувствую на его фоне. Через облака проглядывает солнце. Это место кажется древним и странно необжитым, деревянные ставни дома закрыты, и вблизи я могу рассмотреть, что стены полуразрушены, краска на них растрескалась. Вверх по ним тянутся темно-зеленые побеги вьющихся растений. Нахмурившись, я снова сверяюсь с картой и прячу ее в карман.

К двери ведут широкие каменные ступени, некогда крепкие и надежные, но теперь, спустя десятилетия, почти разрушенные. Лишенные жизни, старые вещи. На их фоне выделяется фонтан, давно не работающий, из которого поднимается каменная фигура, отсюда мне ее не рассмотреть. Меня не покидает чувство, будто я уже видела этот фонтан, хотя понимаю, что это невозможно. Я подхожу к дому и поднимаю руку, чтобы постучать.

Глава третья

Женщина слышит шум у двери. К ним так редко приходят, что от этого звука она вздрагивает. Она не спала, но и не бодрствовала.

Голоса вдали. Один принадлежит Адалине, другой — незнакомке.

Женщина садится и замирает в тревоге. Она смотрит на стену, прислушивается, как скрипит пол, — интересно, сколько времени пройдет до того, как Адалина начнет объяснять ее отсутствие? Что расскажет горничная? Как именно? Она объяснила, что говорить, но нельзя предугадать, как это будет сказано шепотом, за закрытыми дверями, в темных коридорах квартиры старыми слугами. Она все понимает. Она не настолько глупа.

Потребуется усилие, чтобы спустить ноги с кровати, но так приятно прикоснуться к полу голыми ступнями. Иногда ей кажется, что этот дом — цельное дерево, натуральный мрамор и прохладный камень — поглотили все ее мысли и чувства. И если сжать шторы, из них польются ее слезы, как вода из выстиранного белья, а если поддеть половицу, из-под нее вырвется облачко пыли ее секретов. Застарелой пыли.

Она подходит к двери и убеждается, что та закрыта. Раздвигает шторы в надежде рассмотреть вошедшую в дом девушку. Ничего не видно. Только простирающиеся вдаль оливковые рощи и бездонное пустое небо.

Отражаясь в окне, она становится прозрачной и выглядит моложе, темных кругов под глазами и морщин не разглядеть, как будто и не было ужасных лет, обезобразивших ее лицо, — безобидная, но утешающая уловка. Она редко вспоминает свою прошлую жизнь, да и воспоминания эти больше похожи на подсматривание за кем-то, кто не имеет к тебе ни малейшего отношения. Непривычно и дико обращаться к той, прежней себе. Она перебирает фото, смотрит фильмы, читает статьи о себе в журналах. Слепящая улыбка, ухоженные светлые локоны, яркая малиновая помада... Без сомнения, она была неотразима. Она была пленительна и остроумна, она сияла. Все хотели купаться в лучах ее славы.

Как быстро мир забыл! Как скоро трагедия превращает в прокаженного любого! Ей бы быть благодарной за это забвение. Чаще всего она и была, но иногда мысли об утраченном, о том, какая пропасть лежит между двумя ее жизнями, выбивали почву из-под ног, от острой боли перехватывало дыхание. Она прежняя распахнула бы дверь и вышла госте навстречу. Поразила бы ее богатством и красотой, наслаждаясь произведенным эффектом. Ни одна женщина не могла сравниться с ней. Но сейчас все было иначе. Сейчас она знала намного больше.

Жалюзи закрываются. Достаточно одного короткого взгляда на фонтан. Адалине не понять, почему она не меняет комнату. Ведь после этого она могла бы спать лучше, избавиться от кошмаров. Но она не может. Женщина прислоняется головой к стене, холод пронизывает ее тело. Она пытается сдержать

надрывный кашель. На пол падает солнечный луч, и в пятне его света без всякой цели вертится черный жук — кружок, еще кружок, еще и еще, — поглощенный своим бессмысленным движением.

Много лет назад, еще совсем молодой девушкой, она отправилась в путешествие, точно зная, куда оно приведет. Теперь все это позади, а маршрут почти забыт.

Глава четвертая

Вивьен, Америка, 1972 год

Жара, стоявшая в апреле того года, была все рекорды.

В маленькой часовне в Клермонте, что в Южной Каролине, бок о бок стояли Вивьен Локхарт и ее мать. Вивьен старалась не сутулиться, отец запретил. Лучше быть мертвой, чем горбатой, сказал он. Белый хлопок платья противно лип к коже, она мечтала сорвать его и в одной комбинации убежать прочь, оказаться на улице, где другие подростки прыгали в реку, загорали на траве, лазали по деревьям и целовались. Но она не двинулась с места, хотя и хотела этого больше всего на свете, делая вид, что молится.

Наконец тишина была нарушена. Вивьен с матерью настожились, как дома: когда глава семьи открывал рот, все остальное переставало существовать. Он требовал, чтобы его слушали, особенно когда говорил о Боге. Паства ловила каждое его слово. Вивьен вспомнила, как за завтраком, вытерев жирное молоко с усов, он отбросил газету и начал рассказывать им, как чернокожим сходят с рук убийства.

— Что сказал Господь, когда слепец пришел к нему и молил о прозрении? — Гилберт Локхарт, сделав паузу, нервно вытер пот со лба. Он наклонился вперед, вытянув вверх похожий на коготь палец, как стервятник, сидящий на ветке. — Он сказал во всей своей славе и всемогуществе: *«Дарую тебе прозрение!»*

Толпа разразилась аплодисментами. Даже чопорная миссис Бригам в своем аккуратно выглаженном платье и шляпе, похжей на корзину с фруктами, тряслась от восторга.

— И что сказал Господь, когда глухой пришел к нему?

Маленькие блестящие глаза священника уставились на его жену.

— *Дарю тебе слух!* — покорно ответила Миллисента.

Люди встали, отовсюду послышались крики.

Гилберт заставлял жену и дочь репетировать перед каждой проповедью. За ошибку или забытую строку он бил их: бес-толковые, тупые женщины, пустые головы. Вивьен было интересно, верит ли он сам в то, что говорит. И она не знала, что хуже: чтобы он сошел с ума или был настолько циничен.

А вот что будет дальше, она знала прекрасно, хотя и наде-ялась, что ошибается.

— Нет сомнений, — прокричал Гилберт, — *ты будешь слышать всегда!*

Вивьен подыграла в надежде, что на сегодня ему достаточно: от мысли, что придется говорить что-то еще, пересохло во рту. Но он обратился к ней, а за ним — взгляды паствы. В своем белоснежном платье с аккуратно завитыми светлыми волоса-ми шестнадцатилетняя Вивьен была единственным ребенком самого почитаемого человека в общине. Каждое слово, кото-рое произносили ее уста, было нектаром.

— И что, — медленно сказал Гилберт, — Господь со всей своей мудростью и милостью даровал человеку, который бо-ялся за свою жизнь?

Ответ она знала. Беда была в том, что она совсем в него не верила. Могла ли она сказать то, во что не верила? Милли-сента сжала ее локоть.

— Я не знаю, папочка, — кротко произнесла Вивьен.

Гилберт пытался оставаться спокойным. Это было видно по вене, пульсирующей у него на виске. *Просто скажи это. Скажи, что он хочет услышать.*

Из-за головы отца с креста на нее смотрел Иисус. Ноги прибиты гвоздями, на голове окровавленный терновый венец. На боку темно-красная глубокая рана. Грудь впала, ребра вы-пирают. *Он умер за твои грехи.* Эти слова Вивьен слышала каждый день, но сейчас понимала меньше, чем когда они впер-вые были произнесены. Вивьен не грешила, по крайней мере не делала ничего, за что человека можно осудить на смерть.

Однажды соврала маме, что кексы с ванильным кремом съела соседская собака, но разве это считается?

— Нет, ты знаешь, — произнес отец.

Скажи это. Или ты знаешь, что будет. И мать это знала. Склонив голову, прямая как доска, Миллисента стояла рядом. Почему она никогда не пыталась постоять за себя? Или заступиться за дочь? Например, в тот раз, когда Вивьен спросила разрешения поиграть с ребятами Чонси вечером на озере, или когда по случаю дня рождения Бриджит Морроу хотела одеться, как ее любимая актриса, или когда хотела пробежаться босиком по лугу к месту выпаса диких пони. Каждый раз мать складывала руки и шепотом говорила: «Твоему отцу это не понравится». Вот и все.

А что *понравится* ее отцу? Кроме Бога, она не знала ничего. Нравилась ли ему она сама?

— Он сказал... — Гилберту не оставалось ничего, кроме как продолжить сдавленным голосом, угроза в котором была слышна только его семье. — *Я заберу твой страх и дарю вечный покой!*

Толпа в церкви ликовала.

Сегодня им не стоило надеяться на покой.

* * *

Гилберт Локхарт был превосходным священником. Прихожане обожали его. Каждое воскресенье Вивьен наблюдала, как он пожимает руки и раздает благословения, и поражалась, как меняется этот добрый и заботливый человек, когда возвращается домой.

Не дожидаясь момента, Вивьен побежала наверх, в свою спальню, как только они вошли в дом. Отец был в ярости. Метал молнии. Это читалось в его глазах. По пути домой, пока их жемчужно-серый «кадиллак» покачивало на грунтовой дороге, он смотрел на нее холодным угрожающим взглядом. *Многообещающим* взглядом.

Если бы только в ее комнате был замок! Вивьен подперла ручку двери стулом и прижалась к ней ухом. Пока что шагов не слышно. Сейчас главное — успокоить бешено бьющееся

сердце. Она в комнате, здесь безопасно, здесь до нее никому не добраться.

Снизу послышался его зычный голос, потом односложный ответ матери, кроткий, еле слышный, успокаивающий. Слабая попытка Миллисенты остановить приступ гнева, о которой она забыла уже после первого удара. Вивьен сжала кулаки. Уже в церкви она знала, чем все закончится, но даже если бы могла повернуть время вспять и поступить иначе, не сделала бы этого.

Он все врет, — думала она. И дело было не в том, что она не верила в Бога, — она не знала, во что верила, еще не понимала. Но она не могла принять вероучение, позволяющее человеку, святому для своей паствы, разглагольствующему о добре и зле, о справедливости и прощении, избивать свою жену и дочь до полусмерти, когда никто не видит. Такая религия Вивьен не интересовала. И солгать об этом отцу она не могла. И себе тоже.

Открыв шкаф, она устала на стоявшую в нем сумку. *Бери ее. Уходи.*

В ней было все, что нужно. Сколько раз за последний год в полной тишине она, скрестив ноги, сидела на кровати и в ночной темноте, разбавляемой лишь слабым лунным светом, на ощупь собирала вещи. *Я уйду отсюда. Я выберусь. Я смогу, смогу...* От этих мыслей даже исполосованная в кровь спина болела меньше.

Вивьен опустила на колени. В кармане сумки были спрятаны деньги, полученные от одноклассников за сделанные домашние задания. А что еще ей было делать? Пока ее подруги Фелисити, Бриджит и другие девочки занимались танцами или рисованием после школы, Вивьен разрешалось только заниматься дома. Однажды, закончив задание по математике раньше, она попросила разрешения выйти; Гилберт обозвал ее вруньей, ударил, сказал, что у нее не хватило бы ума закончить так быстро и, пока не закончит, из дома она не выйдет. Тогда Вивьен и решила брать домой задания одноклассников. Гилберт говорил, что никогда не разрешит ей работать и зарабатывать, потому что от денег у женщин появляются «идеи». По иронии судьбы, именно он подтолкнул ее к первому заработку и к побегу.

Было слышно, как внизу бьется фарфор... а потом — тишина. Вивьен закрыла шкаф и бросилась на кровать.

Под ее головой что-то захрустело. Она осторожно сунула руку под подушку, бережно достала сложенный лист бумаги и с благоговением его развернула. Это было окно в другую вселенную. У чьей-то сестры-старшеклассницы в шкафчике висел плакат. Проходя мимо него по коридору, Вивьен умирала от зависти. Никогда она не видела ничего более пленительного. Красивая женщина в мини-юбке, мужчина, глядящий ей в глаза, — юная Вивьен не понимала, почему фото вызывает у нее такие чувства, но точно знала: в нем содержится что-то сладкое и неизведанное. Недельный заработок Вивьен потратила, убедив девушку продать плакат, который та собиралась выбросить. Одри Хепберн из фильма «Как украсть миллион» с ее озорной пышной прической, так не похожая на Вивьен с ее старомодным конским хвостом, была воплощением веселья, непокорности, свободы; ее трогательные голые коленки — нечто совершенно невозможное для девушки в Клермонте, по крайней мере без риска получить шлепок по мягкому месту и быть опозоренной. Этот плакат пробуждал интерес к Голливуду, и масла в огонь подливали фотографии Марлона Брандо, заботливо вырезанная из мартовской газеты (Бывают ли в реальности настолько красивые люди? Точно не в Клермонте), и гляцевый снимок Софи Лорен с ее экзотической внешностью.

Спрятать их она решила спонтанно. В мире ее отца для таких вещей не было места. Не было нужды провоцировать Гилберта, Вивьен и так знала, что он скажет: Голливуд — отвратительное средоточие зла и тщеславия. Деньги и слава для грешников, для Господа в них нет никакой ценности. Любой избравший этот путь обречен на несчастье — он направляется прямо в объятия дьявола.

Каждую ночь, перед тем как уснуть, Вивьен разглядывала фотографии этих людей и твердила себе, что они настоящие, что эта жизнь *существует*, она далеко, и кто знает, сколько опасностей на пути к ней, но она есть. Точно есть.

Быть может, в один прекрасный день она наберется храбрости и отправится туда.

А пока Вивьен приятно было даже просто хранить эту тайну от родителей. У нее не было против них никаких шансов. Вот если бы у нее были брат или сестра! Однажды она даже поверила, что шанс есть. Вивьен молилась о родственной душе, о друге — отец всегда говорил, что Бог отвечает на молитвы, но эту он оставил без ответа. Несколько лет назад, так давно, что воспоминания об этом почти стерлись, Миллисента вдруг расцвела, а однажды ночью, когда звезды светили особенно ярко, Гилберт в спешке повез ее в больницу. На рассвете мать вернулась разбитая и бледная, а в корзине для белья Вивьен нашла запачканные кровью трусики. Позже, когда девочка наконец набралась смелости, чтобы заговорить о брате, она получила пощечину, и больше эту тему она не поднимала.

Топ-топ-топ... На этот раз шаги заставили себя ждать дольше обычного. По звуку их она поняла причину задержки: отец пил. Что там в Библии сказано о трезвости? Гилберт Локхарт сам выбирал, какие заповеди исполнять. А чаще всего изобретал свои собственные, а потом вырезал их на скрижалях ремнем.

Вивьен быстро спрятала плакат обратно под подушку. Она смотрела на дверь, пока ручка не дернулась. Тишина, затем дверь толкнули и стул задрожал. Потом появился отец — свирепый горящий взгляд, красные пьяные глаза, руки, сжатые в кулаки.

— Тупая девица, — он плюнул на пол, — ты знаешь, что бывает за непослушание, но все равно делаешь по-своему. Матери досталось из-за тебя. Ты счастлива?

Нет, не счастлива. И никогда не буду счастлива здесь, с тобой. Вивьен не могла заставить себя извиниться: не за что. Она сидела не шевелясь, мыслями перенесшись туда, где он не мог до нее добраться. Она представляла себя Одри Хепберн или Софи Лорен. Свет софитов, блеск Голливуда — она грезила о жизни, в которой есть солнце, море и человек, который любит ее. Наличие сумки в шкафу согревало сердце. Стоявший в шаге от нее отец не знал о ней ничего. Глухой слепой человек. Он всегда был таким.

— За свое поведение ты будешь наказана, — прошипел он.

Вивьен знала, что нужно делать, когда Гилберт вынимает ремень из брюк, — встать на колени у кровати, как во время молитвы, и не сопротивляться, так легче. Физически она намного слабее. Значит, нужно быть умнее. Когда первый удар привычно обжег сзади бедра, она начала молиться. Не Богу и какому-то святому, в которого верил отец. Она молилась себе — будь сильной, сделай то, что должна. *Я выберусь отсюда*, — поклялась она.

Завтра же сбегу.

Глава пятая

Италия, лето 2016 года

— Ты, должно быть, Люси.

Меня встречает женщина с собранными сзади в пучок волосами. Не то чтобы она выглядела враждебно, но и сказать, что она рада мне, было нельзя, теплым ее голос точно не назовешь. Она представляется как Адалина, «горничная синьоры», и приглашает меня внутрь, строя из себя хозяйку на званом обеде, которая вынуждена показывать гостям дом, но мысли ее заняты другим: все ли бокалы полны, кто с кем болтает, не заканчиваются ли закуски. Я улыбаюсь: дружелюбие — лучшая тактика.

Войдя в холл, я не могу скрыть удивления. Адалина, наслаждаясь произведенным эффектом, смотрит на меня. Находясь здесь каждый день, она могла забыть о том, какое впечатление это место производит на всех, кто видит его впервые. Я ошеломлена.

— Не совсем то, что ты ожидала?

Я стараюсь взять себя в руки:

— Я не уверена, что знаю, чего ожидала.

Зал, в котором мы находимся, можно описать лишь одним словом — *огромный*. Через круглое окно в высоком куполообразном потолке, украшенном фресками, льется солнечный свет, нагревая плиты пола. Здесь как в храме — перехватывающая дух красота с оттенком грусти. Я разглядываю изображения на своде — ангелы и мученики, слезы, объятия, весь набор человеческих страстей. В алькове у двери — искусное изобра-

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо Клио Корниш, невероятному редактору, которая поверила в эту историю и помогла сделать лучше; это невозможно переоценить. Всей команде HQ, особенно Лизе Милтон, Нику Бейтсу, Луиз Макгрори и Дженнифер Портер. Лесли Джонс за деликатное редактирование текста. А еще Тори Лайн-Перкис из «Midas PR» за то, что она лучшая в этом деле — и самая замечательная!

Мадлен Милберн, Терезе Коэн и Хэйли Стид, которые с такой самоотдачей работали над моими книгами.

Маме, папе, Тории и Марку за то, что помогли ухаживать за ребенком, пока я работала.

И маленькой Шарлотте. Словами не передать, как я люблю тебя.

- 1 Линия Лондонского метрополитена. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)
- 2 Бесплатная британская газета-таблоид.
- 3 Один из административных районов (боро) Лондона.
- 4 Кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции.
- 5 В итальянской архитектуре Средних веков и Возрождения квадратная (реже круглая) в основании колокольня, как правило, стоящая отдельно от основного здания собора.
- 6 Популярный итальянский десерт из свежего коровьего молока, сливок и сахара с добавлением ягод, орехов, шоколада и свежих фруктов.
- 7 Один из старейших музеев в Европе.
- 8 Знаменитый парк во Флоренции, один из лучших парковых ансамблей итальянского Ренессанса.
- 9 Город в регионе Тоскана в Италии, расположенный в восьми километрах к северо-востоку от Флоренции.
- 10 L-образная площадь перед дворцом Палаццо-Веккьо во Флоренции.
- 11 Мост во Флоренции, пересекающий реку Арно в самом узком месте. Самый старый мост в городе, был построен в 1345 году.
- 12 Простите, синьора, но мы закрываемся (*итал.*).
- 13 Спасибо (*итал.*).
- 14 Французский ягодный ликер на основе ежевики и малины с добавлением трав, пряностей и меда.
- 15 Рой Холстон Фроуик, американский дизайнер, придумавший стиль диско.
- 16 Блюдо итальянской кухни, тонкий шницель из телятины или другого мяса с ломтиком прошутто и шалфеем.
- 17 Красавица (*итал.*).
- 18 Британская певица, композитор, работает на стыке поп-музыки и прогрессивного рока. (*Примеч. ред.*)
- 19 Британская рок-певица, композитор. (*Примеч. ред.*)
- 20 Так называют Лос-Анджелес или Голливуд, когда хотят подчеркнуть местный стиль жизни.
- 21 Центральная улица Сент-Джеймского квартала в Вестминстере, Лондон.
- 22 Да, синьора (*итал.*).
- 23 Цыпленок по-охотничьи.
- 24 Любимая (*итал.*).
- 25 Пожалуйста (*итал.*).
- 26 Дорогая (*итал.*).
- 27 Милая (*итал.*).
- 28 Прости меня (*итал.*).
- 29 Вы в порядке? (*итал.*)
- 30 Ямайский музыкант, гитарист, вокалист, композитор в стиле регги. (*Примеч. ред.*)
- 31 Район в графстве Глостершир на юго-западе Англии; назван в честь гряды холмов Котсуолдс, на территории которой находится.

Літературно-художнє видання

ФОКС Вікторія
Таємниця старого фонтана

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *Н. О. Мищенко*
Редактор *І. Г. Веремій*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 26.10.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ФОКС Виктория
Тайна старого фонтана

Роман

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *И. Г. Веремей*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 26.10.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Колись своїм акторським талантом і красою Вів'єн підкорила Голлівуд. В особі чарівного Джіо Моретті вона знайшла любов, після чого пара переїхала до старовинного родового маєтку. Казка, про яку мріє кожна жінка, стала реальністю. Але ті дні канули в минуле, блиск слави потьмянів, а полум'я любові згасло... Страшна подія, що відбулася в замку, зруйнувала щастя Вів'єн. Тепер вона живе самотньо в старовинному опрічному будинку Барбаросси, зберігаючи його секрети. Але в житті героїні з'являється молода покоївка Люсі. І загадка Вів'єн може бути розгадана. Чи зможе вона зберегти сімейну таємницю? А може, нарешті настав час позбутися тягара минулого?..

Фокс В.

Ф75 Тайна старого фонтана : роман / Виктория Фокс ; пер. с англ. З. Бакуменко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 320 с.

ISBN 978-617-12-4195-4

ISBN 978-1-84845-500-9 (англ.)

Когда-то своим актерским талантом и красотой Вивьен покорила Голливуд. В лице очаровательного Джиро Моретти она обрела любовь, после чего пара переехала в старинное родовое поместье. Сказка, о которой мечтает каждая женщина, стала явью. Но те дни канули в прошлое, блеск славы потускнел, а пламя любви угасло... Страшное событие, произошедшее в замке, разрушило счастье Вивьен. Теперь она живет в одиночестве в старинном особняке Барбароссы, храня его секреты. Но в жизни героини появляется молодая горничная Люси. И загадка Вивьен может быть разгадана. Сможет ли она сохранить семейную тайну? А может, наконец-то пришло время избавиться от бремени прошлого?..

УДК 821.111